

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІІ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(краткие сообщения)

октябрь 1977 г.

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

Причины появления в "Повести о Чойджид-дагине" резкой критики буддийского духовенства, исторически обусловленной острыми противоречиями и борьбой, сопровождавшими реформы тибетской церкви, осуществленные в XV в. Цзонхавой, в значительной мере затуманивались в Монголии, воспринявшей буддийское учение уже в реформированном, законченном виде и потому, содержащееся в повести осуждение недостатков религиозной жизни расценивалась там как общая антиклерикальная тенденция, которая и получила дальнейшее развитие в монгольских версиях XIX в. Композиционные возможности повести были использованы для критики и иных, актуальных для Монголии XIX в., социальных недостатков, причем в монгольских версиях очевидны демократические и официальные истоки критики и показательно, что именно халхаская версия, содержащая наряду с критикой социальных пороков также несомненную апологию китайского правления, была издана ксилографическим способом в ургинском монастыре — местопребывании Джебцун-дамба хутукты, главы буддийской церкви северной Монголии.

¹ W.Heissig, Geschichte der Mongolischen Literatur, B.I, Wiesbaden, 1972, S.129.

² К.Ф.Галстунский, Монголо-ойратские законы 1640 г., СПб., 1880, с.87.

³ Там же, с.82-83.

⁴ С.Липовцов, Уложение Китайской Палаты Внешних Сношений, т.2, СПб., 1828, с.224-226.

⁵ В.А.Рязановский, Монгольское право, Харбин, 1931, с.86.

⁶ W.Heissig, Geschichte ..., S.130.

О.И.Смирнова

СОГДИЙСКИЕ МОНЕТЫ С ИМЕНЕМ ФАРНБАГА

К числу интереснейших согдийских монет с лицевыми изображениями относится небольшая недавно выделенная разновременная их группа, экземпляры которой найдены в разных местах, в основном на пенджикентском городище в верховьях Зеравшана, одна на го-

ище древнего Самарканда — Афрасиабе, и одна на городище древних Кувы в Фергане.

Выделенную иконографически разнотипную группу монет с именем Фарнабага, кроме имени божества, объединяют варианты одного его же знака, имеющего общую основу с эфталито-пенджикентским, условно названного нами лирообразным. Простейшие представлены двумя из них и . Этот знак (его варианты) объединяет между собой серию разновременных монет. Надписи, содержащая имя божества Благоденствия, именуемого согдийцами, судя по этапам, Фарнабаг (𐭆𐭀𐭃𐭅𐭆𐭀𐭄), божество "Фарро" в надписях на кусских монетах, окружают знаки. На другой стороне монет с именем этого божества даны, очевидно, его изображения и, возможно, изображения его служителей, в разных головных уборах (СК №№ 1472-8)¹. У последних это колпак типа башлыка, спускающегося сзади плечи и оставляющего свободными уши (СК №№ 1472 и 1473), также типа как у терракотовых головок воинов с афрасиабского ордена, и близко напоминающий остроконечный мягкий, очевидно, лощеный колпак терракотовой головки из Халчяна. У других головные уборы имеют форму полусферы и переданы полукруглым, двойными или одинарными (на монетах деградировавшего типа), более или менее плотно охватывающим голову и заканчивающимся внизу петлеобразными выступами, оставляющими открытыми уши (СК №№ 1474, 8, 1477 и 1480; 1475 и 1476). Что касается последних, то такие аналогии для них дают головные уборы в форме полусфер терракотовых статуэток кушанского времени, исследованных и описанных А.М.Мандельштамом.²

При взгляде на такие монеты прежде всего бросается в глаза своеобразная техника передачи лиц, овалы которых подчеркнуты подобразными валиками, обобщающими щеки и подбородок, иногда грубо, иногда грубо — в зависимости от типа монеты. Эта особенность монет не может быть объяснима примитивностью техники обработки, так как надписи и другие детали на тех же монетах, равно как и сами изображения в целом, свидетельствуют о технике развития и о почти ювелирной работе мастера. Для последней особенно характерны удивительно изящно выполненные головки в башлыкообразном колпаке и с воротом, уложенным мягкими складками (СК №№ 2 и 1473). Наоборот, две другие головки в полусферических головных уборах (СК №№ 1475 и 1476) неприятно удивляют схематизированностью грубо оконтуренных лиц, черты которых переданы иконографическими "налепами", отнюдь не оправданными таким материаль-

лом, как металл, и характерным для глины ручной лепки, в частности для терракотовых статуэток тюркского времени³. Очевидно, что мастер, изготовлявший монеты, выбирал за образец головки терракотовых статуэток, традиционно установившейся в его время формы, для которых был выработан штамп, воспроизводимый им в металле, пожалуй, без каких-либо попыток художественного оформления в связи с новым материалом. Так, изящные головки персонажа в башлыкообразном колпаке на монетах находят себе близкую аналогию в терракотовой головке так называемого воина из собрания Гос.Эрмитажа, отличаясь от последней, пожалуй, только отсутствием усов.⁴

К иной подгруппе монет принадлежит великолепный, но, к сожалению, плохо сохранившийся уникальный экземпляр ферганских монет, обнаруженный В.А.Булатовой во время раскопок на городище древней Кувы (СК № I434). Бесстрастное лицо изображенного на ней персонажа в роскошном медальоне из крупных перлов, дано в манере характерной для буддийской иконографии (рис. I). Его голову свободно

Рис. I

охватывает убор в форме двойной полусферы, с петлеобразными выступами внизу, отходящими от лица и открывающими уши, украшенные драгоценными подвесками: на шее ожерелье, лоб стянут каким-то драгоценным украшением, из-под которого выступает челка (?). В целом его образ в медальоне из крупных перлов художественно отчетливо вписывается в постепенно вырисовывающийся богатый декор древней Кувы с ее храмовым

комплексом.⁵ Последнее, равно как и обстоятельства находки самой монеты, позволят считать ее единственной представительницей местных монетных выпусков, предшествующих по времени характерным для позднейшей Кувы тюрко-согдийским монетам ферганских хаканов и тутуков (СК № I437-1449). Особого внимания заслуживает иконография монет группы, фасовые изображения божества на которых, покрывающие монетное поле, представляют местную трактовку античных горгоней (масок), так же, как и, видимо, некоторые терракотовые головки, происходящие с городища Афрасиаб.⁶

Еще одна монета с головкой и башлыкообразным колпаке и широкообразным пенджикентским знаком простейшей формы (не вошедшая в число описанных автором в сводном Каталоге согдийских монет), хранится в фондах Самаркандского краеведческого музея (Н IOI85).

Другая той же серии обнаружена на Афрасиабе в 1968 г. в одном горизонте с монетами согдийского царя Шашпира (первая или вторая четверть III в.) и соответственно датируется археологами. В отличие от остальных монет этой серии, по обеим сторонам головки на афрасиабской монете в качестве дополнительного элемента типа нанесены два креста, в чем исследователи усматривают непосредственное влияние византийской монетной иконографии⁷. Такой же христианский символ, т.е. крест, нанесен на другой монете группы внутри монетного знака.

Место выпуска монет с именем Фарнабага, кроме Ферганской, точно не установлены. Судя по местам находок, они, очевидно, разные.

В монетных надписях непосредственно за именем Фарнабага следует еще одно слово - третье разное на разных монетах, чтение которого достоверно не установлено. На одной из них это N'R или ḡ'r(D'R ?) и надпись в целом можно соответственно читать $\text{p}^{\text{r}}\text{p}^{\text{r}}\text{ḡ}\text{r}$ N'R/ ḡ'r. В таком случае она должна содержать не просто имя божества, а вероятнее всего согдийское название священного огня, посвященного последнему, дословно "Огонь Фарнабага", или его храма. Менее вероятно видеть в третьем слове надписи согдийскую передачу тюркского $\text{da}\text{ḡ}$ "клеимо". В любом случае повторяющееся в надписях имя божества, при отсутствии другого, позволяет думать, что монеты с такими надписями выпускались в честь божества - покровителя города, образ которого или храмовых его служителей (в традиционных войлочных шапках) помещался на аверсе монет. Разные лицевые изображения на согдийских монетах с именем Фарнабага равно должны указывать на распространенность его культа в Средней Азии, тогда как его имя на кушанских монетах свидетельствует о существовании его храмов в Бактрии. Как известно, один из четырех главных священных огней зороастрийцев - огонь жрецов, переносившийся, согласно письменной традиции, из Хварезма в Кабулистан и Фарс, носил два названия $\bar{\text{A}}\text{tur Farnbāg}$ и $\bar{\text{A}}\text{tur X}^{\text{v}}\text{arr}$, очевидно, в зависимости от своего местонахождения и принадлежности.⁸ Первое из них - восточное, $\bar{\text{A}}\text{tur Farnbāg}$ соблазнительно сопоставить с названием священного огня $\text{p}^{\text{r}}\text{p}^{\text{r}}\text{ḡ}\text{r}$ N'R(?) надписи на согдийской монете, если предложенное ее чтение подтвердится.

О том, что в Средней Азии храмы, посвященные божеству Фарнабагу, в VI-III вв. существовали, свидетельствуют монеты. Можно ли говорить о них как о монетах храмовых - вероятно. В этой связи определенный интерес представляет тюрк-согдийский над-

чекан $\beta\gamma\delta\epsilon$ на среднеазиатских эфталитских серебряных монетах, выпускавшихся в подражание сасанидским, и представляющий, на наш взгляд, греч. тюркское соответствие согдийскому * $\beta\gamma\delta\epsilon$ из скр. *vihāga*, означающего в частности, буддийскую монашескую обитель, буддийский храм вообще.⁹ Название последнего, как известно, закрепилось в раннем средневековье в Хуттале за поселением, сейчас известным под названием Пархар или Фархар (согд. * $\beta\gamma\delta\epsilon$). В котором, очевидно, находился такой храм. Что именно подразумевает надчекан на монетах — название поселения или собственно храм, решить сейчас трудно, но одно несомненно: роль храма в районе была немаловажной. Монетные надчеканы, как известно, санкционировали местное обращение тех или иных монет в соответствующих районах. Такое их назначение на эфталитских монетах бесспорно определяет поставленный на других таких же монетах арабский надчекан из одного слова *حائز*, т.е. **جائز* "дозволенный", в смысле "дозволенный к обращению". Таково же, очевидно, было назначение и ряда других согдийских надчеканов на таких же монетах: $\delta\epsilon\zeta\eta\theta\iota$ "Бог-Творец" и $\beta\gamma\delta$ "Бог" на одних и титулы $\chi\omega\beta$, $\gamma\delta\epsilon$ "хакан" и $\tau\kappa\upsilon(\nu)$ "тегин" на других, а также и раннеарабских, фиксирующих одновременно и время обращения таких монет.

¹ Издание пяти таких монет, происходящих с Пенджикентского городища, см. О.И.Смирнова, Каталог монет с городища Пенджикент, М., 1963, № 786, 187, 788 и 789, ср. 790 (табл. XIX) и (ниже) прим. 7. СК — условное обозначение Сводного каталога позднесогдийских монет, подготовленного автором статьи (печатается).

² А.М.Мандельштам, К вопросу о хронологической классификации древних терракот Согда. — Искусство таджикского народа. Вып. 2. Труды ИИ АН Тадж.ССР, 1960, т. XXIX, с. 143-159.

³ Ср. В.А.Мешкерис, Терракоты Самаркандского музея (Каталог). Л., 1962, табл. XI.

⁴ Camilla Trever, Terracottas from Afrasiab. М.-Л. 1934, № 94 (Эрм. 8647), а также № 183 (Эрм. 8297).

⁵ В.А.Булатова, Древняя Кува. Ташкент, 1972, стр. 51-94 (культурный комплекс VII в.).

⁶ Camilla Trever, Terracottas from... № 68 (Эрм. 8712), 69 (Эрм. 8710) и 78 (Эрм. 8715).

7 Э.В.Ртвеладзе и Ш.С.Ташходжаев, Об одной тюрко-согдийской монете с христианскими символами. - Византийский временник, т.35 (1978 г.), с. 232-234. Там же о тамге "в виде скорпиона", характерной, по словам авторов, для монет тюркских правителей.

8 Вопросу посвящена специальная статья, см. G.Gnoli, La sede orientale del fuoco Farnbäg. - Rivista Degli Studi Orientali, vol.XL, 1965, p.301-311. Там же литература.

9 Robert Göbl, Documents zur Geschichte der iranischen Hunnen in Bactrien und Indien, von... , Band I-IV, 1967, Wiesbaden. См. Band IV, tabl. 8,42 (*جايز), tabl. 9,88 (prğ'r), они же tabl.12,88 (prğ'r), tabl. 13,42 (*جايز).

Т.И.Султанов

ТЮРКСКИЕ ПЕРЕВОДНЫЕ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Тюркские переводные сочинения средневековья еще не стали объектом всестороннего рассмотрения, и нерешенных вопросов, связанных с памятниками переводной литературы, достаточно много. Что и как переводили? Чем вызывался интерес к тем или иным типам сочинений, равно как к отдельным произведениям? Остаются не выясненными культурно-исторические причины развития переводной литературы в тот или иной период; связь переводных произведений с общими проблемами эпохи; идейная значимость и роль переводной литературы в истории письменной культуры; отношение переводов к своим оригиналам, равно как особенности и степень сходства разных переводов, восходящих к одному оригиналу. Немало проблем связано с деятельностью и самих переводчиков. Ответ на эти вопросы может быть дан лишь после того, как средневековая переводная литература будет подробно изучена в своем составе, в своих функциях и каждый жанр этого типа памятников станет предметом основательно-го историко-литературного и источниковедческого исследования.

В данном случае изучение материалов переводных исторических сочинений тюркского фонда рукописного отдела ИВ АН СССР, сопоставленных с материалами каталогов других рукописных коллекций позво-